

Все великие перемены в жизни одного человека, а также и всего человечества, начинаются и совершаются в мысли. Для того, чтобы могла произойти перемена чувств и поступков, должна произойти, прежде всего, перемена мысли.

Лев Николаевич Толстой

Саратов. 1992-й. Государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Механико-математический факультет. Кафедра прикладной математики и информатики. 17-й лекторий, четверг, 14:00.

В амфитеатре парт, ещё до завершения звонка, практически мгновенно началось общее, хаотичное движение студенческих тел, сопровождаемое речевым шумоповышением...

– Секундочку, се-кун-доч-ку! – крепкий в плечах низкорослый пожилой мужчина с фигурой дрессировщика медведей в цирке, одетый в синий жакет и светлые брюки, аккуратно поправил стопку книг на столе и так же аккуратно передвинул её в правый угол, ближе к кафедре. – Замерли!

Муравейник, из двух курсов, остановился и затих до нуля.

– Фиксируем. К ближайшему вторнику жду от вас конспект по теме аналитической геометрии, разложенный принципом раннего Декарта, включить как обязательные: координаты, фигуры, модальность графических осей. Вот теперь все свободны...

Из человеческого селя, бурно спускавшегося с верху аудитории, показалось лицо миниатюрной шатенки, на лице очки в круглой оправе, а под ними рассредоточенные веснушки.

– Альберт Валентинович, простите, можно буквально на два слова. Альберт Валентинович, мне запрос из Гейдельбергского университета.

Профессор Вишняков взял в руки протягиваемый конверт, внимательно осмотрел два крупных европейских штемпеля и медленно перевёл взгляд на студентку.

– Что ж, поздравляю Вас, Анна, и, пожалуй, признаюсь в белой зависти к Рупрехту и Карлу...

– Как это, что Вы имеете в виду? – убрав письмо в сумку, девушка поправила волосы и последовала за удаляющейся фигурой преподавателя.

– Непростительно, Анна, ведь данное учебное заведение носит имя этих товарищей с самого 1386 года!

– А... Вы в этом смысле... Это я знаю, да.

Профессор остановился возле круглого аквариума, расположившегося на резной чугунной столешнице, разделявшей угол лектория с двумя гигантскими комнатными пальмами, жившими корнями в декоративных портвейных бочках. За стеклом аквариума плавала *Carassius auratus*, известная среди профессионалов как «китайский карась», а среди простого обывателя как «золотая рыбка».

– Анна, посмотрите на неё внимательно, если бы данная рыба была способна говорить, то поверьте мне, на вопрос хорошо ли ей тут, с вероятностью 99,9 процентов эта рыба произнесла бы короткое, но весьма весомое – «ДА», а всё почему? Потому, Анна, что рыба в своём, конкретно в этом случае, имеет все необходимые для развития полноценной жизни рыбы предпосылки... Вместительный по объёму необходимой жидкости периметр, естественный свет, упорядоченную периодичность питания, совмещённую со сменой воды. У неё так же есть фильтрующий эту воду механизм, плюс ряд декоративных излишеств в виде песка с болгарских пляжей и пучка черноморских ракушек.

Профессор внимательно посмотрел на студентку.

– Я понимаю Вас, Анна, не сомневайтесь и ни в коем случае не ищите себе каких либо оправданий, все Ваши действия есть пример классической логики! В плане науки, Вы – та самая рыба, которая живёт сегодня, что и говорить, далеко не в комфортном аквариуме, скорее это напоминает целлофановый пакет, из которого, буквально каждую секунду, сочится так Вам необходимая вода... Опираясь на представленную мной метафору, заключение напрашивается само собой, при таких вводных, впереди, как перспективного учёного, Вас ждёт лишь неминуемая гибель, а всё, что я могу для Вас сделать здесь и сейчас, это сменить дырявый пакет на тесную литровую банку, другими словами, растянуть неминуемую кончину Вашего потенциала. Считаю, что ни я, ни кто бы то ни было ещё, не имеем морального права предосудительно относиться к Вашему решению, ведь для Вас это совсем не праздный вопрос, скорее это вопрос элементарного выживания. Так что единственное, что я намерен сделать в сложившейся ситуации, это пожелать Вам хорошей дороги... Ну и к тому же, мы-то с вами прекрасно понимаем, что смена географии для самой науки момент не принципиальный. Надеюсь, Вам не придётся столкнуться с обвинениями со стороны коллег в конъюнктуре и в других человеческих пороках, известных как корысть, алчность намерения и прочее... Ну, а коль это случится, мой Вам совет, не обращайтесь на подобное абсолютно никакого внимания.

Профессор достал из кармана спичечный коробок, после чего шепотками начал аккуратно высыпать содержимое на поверхность аквариумной воды.

– Я просто хотела сказать Вам спасибо, если бы не Вы...
– речь студентки была прервана...

– Анна, дело не во мне. Ментальное поле нашей страны, величайший в своём таланте код народа, несмотря на различные сложности, переживаемые этим народом в исторические вехи, вот в чём дело. Анна, Вы должны, Вы обязаны, как призванный проводник, как часть большого целого, понимать, о чём я сейчас... Советская математическая школа всегда была и остаётся одним из главных поводов для гордости за наших соотечественников: Лобачевский, Канторович, в Вашем случае – Софья Ковалевская... А что я, я и мне подобные лишь указываем Вам на Ваш же гений, после чего Вы определяете свой дальнейший путь самостоятельно...

– Спасибо Вам за всё, Альберт Валентинович, я буду писать Вам, – девушка деликатно притронулась к плечу профессора Вишнякова.

– Это не обязательно, сосредоточьтесь на деле...

Дверь лектория, сопровождаемая скрипом, слегка приоткрылась, в проёме порога образовалась фигура высокого человека, родившегося по всем внешним признакам во второй декаде XX века. Седой мужчина в строгом коричневом костюме, служившем владельцу последние лет пятнадцать, искусственным кашлем дал понять о своём присутствии.

– Анна, мне нужно идти, – профессор протянул правую руку открытой вверх ладонью, после соединения с рукой Анны по-особому тёплым жестом он накрыл её левой кистью. – Удачи Вам...

В открытое окно, подняв шторы, словно точкой этого диалога, залетел шальной вихревой поток жаркого ветра...

Удаляясь из аудитории, девушка то и дело оборачивалась и произносила слова благодарности...

– Ну что, Эйнштейн, выпускаешь очередную птицу? – подойдя вплотную к столу Вишнякова, седой человек достал платок и начал протирать очки.

– Германия, земля Баден-Вюртемберг! Тот самый Хайдельберг, программа обмена...

– Да знаю я, весь университет уже в курсе... Сам то, что думаешь?

– А что тут думать, мы с тобой, Андрей Николаевич, находимся в одной реальности, цвет тебе её прекрасно известен: серый, мышинный, местами подчас гуталиновый. Вот такой – «дэмократикус». Процесс подталкивает сам собой, остаётся только порадоваться за человека...

– Идём, пообедаем. – Профессор Карпинский жестом предложил коллеге направление, подразумевающее дорогу до столовой...

Преподавательские подносы из прессованной пластмассовой стружки цвета тархуна разом опустились на алюминиевый помост и начали набирать ход вдоль итогов утренней работы кухни.

– Доброго дня, Альберт Валентинович, что тут у нас? Гречка, котлета рыбная, хлеб чёрный, ситро, – колёса на счётах резко уходили в сторону, – коржик с ореховой посыпкой... – 85 рублей. Здравствуйте, Андрей Николаевич, давайте посмотрим...

Преподаватели сели в самой середине безлюдного зала. Закончив трапезу, они ещё какое-то время имели диалог, впрочем, сам этот разговор и был целью Карпинского на момент приглашения старого друга пообедать...

– Алик, как ты знаешь, минувшие полторы недели я провёл на даче, один, Нелля в Калуге у внуков!

– Ты говорил, я помню.

– Так вот, я грешным делом опять за своё ненароком взялся, в связи с чем наблюдение зафиксировал, вот хочу поделиться...

– Ну, так делись, в чём проблема, Андрей Николаевич...

– А проблема в том, что это вечная наша с тобой война

в скобках, по теме пресловутой материальности мысли. Я остаюсь приверженцем Эпикура Самосского с его трактатом о природе вещей, а ты у нас размещен ленинскими томами наперевес с примитивизмом Стаханова, при всём уважении к Алексею Григорьевичу.

– И что на сей раз, какой объект попал в зону твоего восприятия?

– Удивительный объект! У-ди-ви-тель-ный, Алик!

– Начинайте, Андрей Николаевич...

– Начинаю, начинаю, – сделав глоток остывшего какао, Андрей Николаевич скрестил руки в замок и опёрся на эту конструкцию подбородком. – Ситуация следующая, не знаю, что нашло на меня, но убирался я там каждый день... Встану, значит, утром, включу радио, включу шланг, полью одуванчики, пройду по садоводству километр или около того, по возвращению – душевая и уборка, ну а после – книги, естественно и частично работа при настроении. И вот в этом нехитром круговороте нечто необычное было замечено, а после – подчёркнуто моим, более чем зрелым, сознанием. Предметно это выглядит таким образом: день на пятый я, значит, сформулировал претензию: как, мол, так происходит, что убираюсь я каждый день, а пыль в достаточно приличном количестве появляется вновь и вновь? Дом мой ты прекрасно знаешь, щелей там нет, подпол в этом плане так же качественный. И что ты думаешь, вышло из этого бытового вопроса по итогу?..

– Пока не вижу общей картины, продолжай... – Вишняков вытер салфеткой морщинистый лоб.

– Продолжаю... Всё, как я предполагаю, случилось в вечер воскресенья. Расположился в кресле, приготовился к чтению, с собою при мне был ежемесячник «Математические Заметки», как тебе, кстати, изменение? Редактура же смени-

лась, хорошо, что временно. Маслов, как я выяснил на днях, в стационаре, язва... Ну а Авдотьев этот, знаешь ли, рельсы, как говорится, передвинул с плеча, вот тебе и молодо-зелено, кардинально там всё поменял, по крайней мере, в нынешний номер... Надеюсь, Сергей Сергеевич поправится скоро, а то такая работа никуда не годится, глядишь, и этот, наш с тобой последний оплот, попадёт под каток молодых реформаторов... Отступление получилось, но оно и важно, по сути, так как собственно это возмущение и стало тумблером в случившемся.

Теперь подробнее: вот читаю я, значит, статью по гидромеханике, если быть точным, то речь идёт о материале «**Специфика гидравлических и гидротехнических научных исследований в лабораторных условиях**»; автор румын, имя, к сожалению, не помню, но по форме – наш, академик, со всеми, так сказать, атрибутами; и там, значит, в этой статье есть некий обобщённый, приводимый им, довод, вызвавший во мне попросту коллапс, и это явно не опечатка... Должен признаться, я практически вслух занялся риторикой. Да что там, начал ходить взад-вперёд, оспаривать несурезицу, со стороны по всем признакам вёл неконструктивные в своей бессмысленности суждения, размышлял как человек умалишённый, сам с собой ругался, понимаешь, мат стыковал!.. Ну, а после впал в то, что Нелля называет депрессионным ступором, от того и прячет от меня периодически нынешние газеты. В общем, весь вечер находил себя возмущённым вне какого либо настроения. А утром опять всё по-новой: радио, шланг, прогула, уборка... и вот тут-то всё и случилось!

– Ну, что случилось-то? – Вишняков посмотрел на табло электронных часов над мозаичным панно, сюжетом, изображавшее научных сотрудников, элементы формул и уравнений.

– Погоди, погоди, мы уже близко. Пыль! Столько пыли, мать честная! За всю неделю столько не было. И вот ещё что,

Валентинович, я тебе сразу скажу, что погодные условия все те дни были в норме, а то, зная тебя, начнёшь сейчас линию нападения выстраивать, аргументировать внешним фактором, в общем, всё как ты любишь, поэтому и опережаю.

– Ну, будет тебе... И что там с пылью, интригуешь никак, Андрей Николаевич!?

– Алик, объём её увеличился в разы! Хотя казалось бы, как, почему? Я тебе так скажу, думай, что хочешь, но я сделал единственно доступный в тех обстоятельствах вывод, пыль создал я!

– То есть?

– А вот и то есть... Накануне вечером, впав в это практическое безумие из-за журнала, оголив тем самым нерв, мечась по комнате, эмоционально пребывая в тщетных, естественно, попытках донести через пространство этому румыну претензию, как непосредственно автору заблуждения, я был предельно напряжён! Энергетически представлял из себя свалку негативных отходов, результаты такого состояния, вот сейчас внимание: ТРАН-СФОР-МИ-РО-ВА-ЛИ-СЬ, преобразовались в физический элемент известный нам, как пыль!

– Ну, будет тебе, Андрей, ты категоричен. Ну что я сейчас слышу от академика РАН? Ну, какая пыль, ну?

– Алик, Алик, послушай меня, послушай внимательно, это важно!

Наши мысли формируют окружающее нас пространство! Природа пыли тому подтверждение... Я, конечно, буду ещё экспериментировать в эту сторону, но заявляю тебе прямо и безоговорочно, там, на даче, я усвоил это, как сейчас принято говорить, железобетонно!..

– Посмотри, посмотри обязательно и потом доложи, можешь в виде диссертации даже...

Столовая начала заполняться студентами, профессора сочли не уместным продолжение дискуссии в данных условиях и

направились к выходу... На пути, в переходе между корпусами им встретилась Снегирёва Лариса Александровна, секретарь кафедры тугоплавких материалов.

Она тут же взяла под локоть жестикулирующего в рамках истории про пыль профессора Карпинского, которого последние пятнадцать минут искала по всему университету, и уже совместно они направились в библиотеку, где Карпинского ждали с докладом, про который он успешно забыл...

Преподавательские часы Вишнякова на этот день были завершены. Альберт Валентинович буквально на секунду заглянул к себе в лаборантскую с целью забрать свой коричневый портфель на крупной металлической пряжке и бежевую сетчатую летнюю шляпу. Выйдя из учреждения, ощутил внутреннюю потребность небольшой прогулки, определил направление и тихим шагом двинулся в сторону центрального городского сквера...

На пути ему встречались давно некрашенные заборы, стены домов с обсыпанной штукатуркой, гаражи, обклеенные тоннами объявлений, заросшие бурьяном палисадники, неухоженные бетонные клумбы, транспортные остановки, больше напоминавшие инфраструктуру, подверженную бомбардировке... Из киосков то и дело доносились современные музыкальные композиции, вызывавшие у Вишнякова, по своей смысловой нагрузке, ступор: «ФаИна, Фаина, Фаина, ФаИна, Файнана...»

Проходя сквозь ряды спонтанного базара, на котором вместо полноценных товаров, люди раскладывали личные вещи б/у, кухонную утварь, статуэтки, градусники, ёлочные игрушки, книги, значки, профессор деликатно, стараясь ни в коем случае кого-либо смутить, присматривался к потускневшим глазам продавцов вышеперечисленного хлама. Он смотрел на этих отчаявшихся людей через фон разговора с

Карпинским. **«Мысль материальна, Алик, мы формируем наше пространство собственными суждениями».**

Впереди показался парк. Присев на первую попавшуюся лавку, с явно выломанной сердцевиной, его взор привлекла единственная в округе урна, забитая до предела мусором... Вишняков огляделся, какое-то время сосредоточился на перекосившемся и местами вздутом асфальте, после перевёл взгляд на ржавые цепи каруселей, не работавшие последние два года, что не скажешь о ларьке, расположившемся напротив, с огромной вывеской «ПЕПСИКОЛА», напоминавшей красно-синий Инь-Янь.

«А что если Андрей прав, что если наша мысль действительно формирует нашу реальность, а что если помимо индивидуальной мысли, есть ещё и так называемое информационное поле, тот самый эгрегор...»

На дороге вдоль парка показалась ассенизаторская машина, резко вылетевшая, насколько это возможно для данного типа транспорта, из-за поворота, уходившего в частный сектор. Слой грязи на её цистерне не позволял разглядеть регистрационный номер, машина ехала, трещала, тархтела, а из-под рамы то и дело валялись кусками фрагменты сырой, уличной массы, соединявшей в себе нечистоты и сдавленную мятую траву...

Куски падали, катились по магистрали и напоминали издалека увеличенную в размерах пыль...